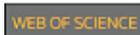

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Хронова И. А. Крестьянство Юга России в 1920-х годах / И. А. Хронова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 508—526. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-508-526.

Khronova, I. A. (2022). Peasantry of Southern Russia in 1920s. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 508-526. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-508-526. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-508-526

Крестьянство Юга России в 1920-х годах

Хронова Ирина Алексеевна
orcid.org/0000-0002-2036-5299
кандидат исторических наук, доцент,
кафедры социологии, правоведения
и работы с персоналом
alexh-lexh@yandex.ru

Кубанский государственный
технологический университет
(Краснодар, Россия)

Peasantry of Southern Russia in 1920s

Irina A. Khronova
orcid.org/0000-0002-2036-5299,
PhD in History, Associate Professor,
Department of Sociology,
Law and Human Resources
alexh-lexh@yandex.ru

Kuban State
Technological University
(Krasnodar, Russia)

© Хронова И. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос об отношении крестьянства к социалистической модернизации, актуальность которого обусловлена тем, что исторически юг России задавал один из общих алгоритмов научного поиска в изучении проблем данной сферы. Отмечается, что одна из таких проблем связана с содержательной и организационной составляющими трудовой деятельности крестьянства на территории Кубано-Черноморской области и далее в Северо-Кавказском крае. Указывается, что эти компоненты деятельности стали актуализироваться в свете политики власти, а также ряда принятых правовых источников. Актуальность данного исследования заключается в изучении основ трудовых отношений крестьянства и советского государства, которые заложили «фундамент» последующего регулирования социально-трудовых правоотношений и сформировали социалистическую отрасль права — колхозное право. Новизна работы заключается в анализе совокупных факторов, которые сопровождали процедуру зарождения социалистических основ труда в колхозах юга России в 1920-х годах. Исследование базируется на архивных материалах, научных трудах и периодической печати. Анализируются два правовых источника: Нормальный устав сельскохозяйственных производительных коммун и Примерный устав земледельческой трудовой артели. Акцентируется внимание на трансформации нормативных изменений. Сделаны выводы о том, что манипуляции с крестьянством стали экспериментальными для будущей коллективизации, выявили малограмотность крестьян, а также позволили заложить основы колхозного права.

Ключевые слова:

крестьянство юга России; устав; коммуны; артели; труд; трудовые отношения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the attitude of the peasantry to socialist modernization, the relevance of which is due to the fact that historically the south of Russia set one of the general algorithms of scientific search in studying the problems of this area is considered. It is noted that one of these problems is related to the content and organizational components of the peasantry labor activity in the Kuban-Black Sea region and further in the North Caucasus region. It is indicated that these components of activity began to be updated in the light of the policy of the authorities, as well as a number of accepted legal sources. The relevance of this study lies in the research of the foundations of labor relations between the peasantry and the Soviet state, which laid the “foundation” for the subsequent regulation of social and labor legal relations and formed the socialist branch of law — collective farm law. The novelty of the work lies in the analysis of the cumulative factors that accompanied the procedure for the emergence of the socialist foundations of labor in the collective farms of southern Russia in 1920s. The study is based on archival materials, scientific papers and periodicals. Two legal sources are analyzed: the Normal Statute of Agricultural Productive Communes and the Exemplary Statute of an Agricultural Labor Artel. Attention is focused on the transformation of regulatory changes. Conclusions are drawn that manipulations with the peasantry became experimental for future collectivization, revealed the illiteracy of the peasants, and also made it possible to lay the foundation for collective farm law.

Key words:

the peasantry of the south of Russia; charter; communes; artels; work; labor Relations.

Крестьянство Юга России в 1920-х годах

© Хронова И. А., 2022

1. Введение = Introduction

После Октябрьской революции 1917 года политика в сфере регулирования трудовой деятельности определялась декретами, действие которых изначально и по умолчанию распространялось и на крестьянство (об этом свидетельствует Устав 1918 года). Причина последующей специализации регулирования труда в различных сферах на основе общих кодификационных начал заключается в данном случае в самом процессе коллективизации и специфике труда крестьян, а также опыте кооперации. Если для работников и служащих фабрик, заводов и иных учреждений труд регулировался Кодексом законов о труде (1918, 1922 годы), то для крестьян были разработаны отдельные социалистические нормы.

Несмотря на военные и политические перипетии, имевшие место на юге страны, формирование социального контракта между государственной властью и трудящимися слоями населения наращивало свои обороты. Провозглашенный принцип всеобщей трудовой повинности должен был распространяться и на крестьянство. Крестьянский вопрос, являющийся одним из основных в революционной теории ленинизма, решался в контексте коллективизации. На первых порах колхозное движение не могло стать сразу массовым, так как не были созданы соответствующие предпосылки [Краев, 1954, с. 199]. Ситуация осложнялась разнородностью крестьянства юга России, существованием резкой градации в благосостоянии, малограмотностью, негативным влиянием кулаков и середняков, открытым шовинизмом по отношению к иногородним, отсутствием доступа к информации и политпросвещению и иными обстоятельствами. Более того, государству необходимо было переломить традиционные взгляды на землепользование и ведение сельскохозяйственных работ.

Актуальность темы исследования заключается в возможности проследить зарождение и формирование социалистических трудовых отношений в молодом государстве с учетом того, что крестьянство Юга России исконно обрабатывало земли преимущественно не «во имя» страны или идеи, а «во благо» личного пользования.

Новизна работы заключается в анализе совокупных факторов, которые сопровождали процедуру зарождения социалистических основ труда в колхозах юга России.

Южные регионы исконно славились своими хлеборобами, труд на земле являлся ключевым для жителей данной территории. Пословица «Казак без земли, как рожь без солнца» отождествляет историческую взаимосвязь казачества с одним из манипуляционных инструментов советской власти, представленным в лозунге «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим». Стоит упомянуть, что исторически богатство крестьянина отождествлялось с его трудолюбием и правовладением земель. Бедняки и батраки видели в возможностях, которые давала советская власть, выход из нищеты и перспективу жить сыто и зажиточно. Эти блага были очевидными. При этом в директивных письмах Центрального Комитета и Северо-Кавказского Крайкома РКП(б) за 1925 год указывалось на недопустимость при работе с крестьянством вызова «бедняцких иллюзий»: всем сесть на землю, стать самостоятельными хозяевами, заниматься непосредственным кооперированием и всем пойти в колхозы при поддержке государства [ЦДНИКК, ф. 12, оп. 1, д. 21, л. 8 об]. Необходимо отметить, что мечты и желания крестьянства не могли идти вразрез с политикой государства. Сформулированные В. И. Лениным основы социалистического труда подразумевали возможность заниматься свободным трудом, отказ от подневольного труда. Но на юге России в силу сложившихся традиций и устоев эта идея толковалась крестьянами по-своему.

В 1920-е годы настало время регулирования и контроля труда сельскохозяйственных рабочих. Осуществление крестьянского труда в силу специфики зависело от природных, агрономических, полеводческих и животноводческих факторов. При этом режим труда крестьян был чаще всего не нормирован из-за условий работы: отдаленности и труднодоступности объектов, наличия / отсутствия сельскохозяйственного инвентаря, работоспособности людей.

Оценивая политическую и социальную ситуацию, складывающуюся на юге России, мы стремимся объективно подойти к анализу существовавших в тот период правовых норм, которые прямо или косвенно затрагивали сферу трудовых отношений крестьян.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Задачи автора в данной статье — проанализировать формирующиеся трудовые отношения крестьян, их взаимодействие с советским государством, выстраивающееся по новым социалистическим законам, изучить состояние отдельных составляющих труда: трудовых ресурсов, объектов труда (земля), — а также исследовать правовые основы ее регулирования на Юге России.

В статье используются архивные материалы, содержащие информацию о южных регионах России, из Центра документации новейшей

истории Краснодарского края, фонд 8; Кубанского окружного комитета ВКП(б), фонд 12; Армавирского окружного комитета ВКП(б), фонд 1075; Староминского районного комитета КПСС; Государственного архива Ростовской области, фонд 1390; Азово-Черноморского земельного управления; Центра Документации Новейшей истории Ростовской области, фонд Р104 — «Таганрогский Окружной Комитет РКП(б)»; Государственного архива Краснодарского края, фонд Р60 — «Кубано-Черноморское Областное земельное управление исполнительного комитета Кубано-Черноморского Областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов».

Материалом анализа выступает также периодическая печать: газеты «Красное знамя» 1920 года, «Беднота» 1920 года, «Известия ревкома и парткома г. Ейска» 1920 года.

В статье используются методы анализа, синтеза, реконструкции хронологической последовательности. С учетом многогранности рассматриваемых процессов, обусловленных взаимосвязью различных сторон жизни и деятельности крестьянства, исследование можно отнести к междисциплинарным. Использование хронологического принципа позволяет проследить динамику развития рассматриваемых процессов.

Временные рамки исследования охватывают период с 1920 по 1927 годы, включающий в себя процесс от зарождения коллективного движения вплоть до активной фазы перехода к политике коллективизации.

Тема советского колхозного крестьянства в целом, отдельные вопросы советской аграрной политики, тенденции формирования социально-культурных общностей различных слоев населения, включенных в «пестрый ковер» крестьянства Юга России, рассматривались и получили объективную оценку в научных трудах советского периода.

Так, в 20-х годах прошлого века вопросами крестьянства занимался А. М. Большаков, который с научной беспристрастностью описывал облик деревни 1917—1927 годов, изучая хозяйственно-бытовые и общественно-культурные отношения, разворачивающиеся на территории Тверской губернии. При этом автор лишь косвенно затрагивал вопросы трудоспособности хозяйств, разные стороны деятельности создаваемых и функционирующих товариществ [Большаков, 1927].

В 30-х годах XX века была опубликована монография М. Д. Голубых, описывающая экономику, быт казачьего селения в поселке Тимофеевском Уральской области. В работе затронуты вопросы бюджета, 11-ти часового рабочего дня, благосостояния казачьих семейств, а также описывается труд женщин, подростков и мужской трудодень [Голубых, 1930]. Другой автор К. М. Шуваев в своей монографии исследует деревни и села Воронежской

области, акцентируя внимание на вопросах коллективных хозяйств, благосостоянии колхозников [Шуваев, 1937].

В 1950-х годах Б. Маркус представил монографию, в которой автор обращает внимание на борьбу за социалистическую организацию труда, а также дисциплину труда [Маркус, 1939], анализирует недостатки организационного характера в колхозах и особенности борьбы за техническое оснащение. В своем обширном труде П. И. Ляшенко осветил экономическую историю СССР, детально изучив и раскрыв динамику формирования, корректировки главного закона крестьян — устава сельскохозяйственной артели, — при этом отметил, что данный документ «очень ярко выражал чаянья деревенской бедноты» [Ляшенко, 1956, т. 3 с. 49]. В своей работе И. А. Гладков рассматривал переход единоличного крестьянства к общественному производству [Гладков, 1950]. Также М. А. Краев изучал актуальные вопросы организации и оплаты труда в колхозах, историю становления первых совхозов и колхозов в стране, итоги кооперативного плана по восстановлению сельского хозяйства [Краев, 1954].

1970—1980 годы представлены монументальными исследованиями В. П. Данилова, в которых анализируются различные аспекты социально-экономических отношений крестьянства, батрачества, вопросы арендных отношений и кабальных сделок, а также процессы кооперирования колхозов [Данилов, 1973].

Современные исследования Л. Г. Берлявского, В. В. Наухацкого, П. А. Якушева также рассматривают особенности становления аграрной политики первой половины XX века [Берлявский, 2022; Наухацкий, 2021; Якушев, 2009, 2010].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Создание сельскохозяйственных коллективов

Движение по образованию колхозов в стране началось примерно с января 1918 года в силу происходящих событий на территории Юга России, вызванных военными действиями и сопутствующими факторами, было отодвинуто на два года. Только с 1920 года формирование сельскохозяйственных коллективов на Юге России стало набирать обороты. И. А. Краев подчеркивал: «В связи с тем, что переход к социалистической революции в деревне был осуществлен в различных районах не одновременно ... успехи и достижения социалистической революции в деревне были различны в различных частях страны. Этот факт имел серьезное значение для возникновения колхозного движения» [Краев, 1954, с. 185].

Согласно статистическим данным, первые формы сельскохозяйственных артелей появились в Кубано-Черноморской губернии к концу

1920 года. Было создано 12 коммун, 20 артелей, прочих колхозов официально не зарегистрировано; в Донецкой области в указанный период появилось 120 колхозов и 122 артели [Аграрная политика ..., 1954]. К. В. Шуваев поэтому по поводу отмечал, что «в этот период совхозы и колхозы были “оазисами” в мире единоличных крестьянских хозяйств» [Шуваев, 1937, с. 37]. Как показывает статистика, в состав коммун обычно в среднем входило 40—60 человек с землеобеспечением 1—2 десятины на душу, среди них, как правило, беднота, батраки, бывшие красноармейцы, члены их семей, пришлые городские рабочие, ремесленники и редко — лица интеллигентных профессий [Ляшенко, 1956, т. 3 с. 47].

Довольно распространенным явлением было, особенно на первоначальных этапах, формирование артели на основе устной, договорной формы [ЦДНИКК, ф. 1075, оп. 1, д. 7, л. 30]. Причинами этому служила, как правило, неграмотность, большие расстояния от земорганов и центров, отсутствие помощи и поддержки со стороны власти. Постановление ГубСельсобрания о землеустройстве в Донецкой губернии констатировало «довольно широкое развитие коллективного сельского хозяйства ... и одновременно почти полное отсутствие помощи и руководства жизнью и деятельностью, как со стороны сельхозкооперации, так и земорганов» [ЦДНИРО, ф. 104, оп. 1, д. 147, л. 3], также было отмечено, что созданные коллективы часто распадались на почве внутренних неурядиц и из-за отсутствия опытных лидеров, способных организовать внутреннюю жизнь коллектива. Население станицы Динской тяготело к коммунальной обработке земли, но ввиду недостаточного знакомства с системой у станичников возникали колебания [Красное знамя, 1920, № 155].

Принятый 26 октября 1917 года «Декрет о земле» коренным образом заставил пересмотреть права не только на землю, но и на формы хозяйств по обработке земли. Перед этим, в мае 1917 года, на I Всероссийском крестьянском съезде были провозглашены две формы социалистических хозяйств в деревне, к строительству которых партия призвала крестьян: хозяйства, существующие за общественный счет под руководством государства, и коллективные хозяйства. Надо отметить, что провозглашенные формы крестьянских хозяйств изначально были под пристальным вниманием государства и партии, которые не позволяли им идти самобытным путем. Так, Октябрьский пленум Центральной контрольной комиссии РКП(б) отмечал: «Постоянной заботой нашей партии является тщательное изучение процессов, происходящих в деревне, настроений различных слоев крестьянства и выработка на основании этих изучений политических и экономических мероприятий, закрепляющих крестьянство за революцией» [ЦДНИКК, ф. 12, оп. 1, д. 21, л. 1]. Для этих целей при Президиуме ЦКК РКП(б) создана была

комиссия по проработке задач, среди которых выделялись те, которые регулировали трудовые отношения. Например, на основании Циркуляра № 35 комиссия изучала процессы формирования эксплуататорских элементов и кадров наемного труда, участие различных слоев крестьянства в процессе образования товарного рынка и рабочей силы, юридические ограничения наемного труда и аренды, а также их результаты, вопросы финансов и кооперации, приема крестьян в школы, снабжения крестьянства сельскохозяйственными орудиями и иные вопросы [ЦДНИКК, ф. 12, оп. 1, д. 21, л. 2].

Особое внимание следует обратить на ключевые элементы: человеческие ресурсы, орудия труда и землю. Крестьянство как трудовой ресурс, по мнению А. М. Большакова, «не представляло собой однородную массу», оно состояло из разных экономических групп, каждая из которых имела свои интересы [Большаков, 1927, с. 152]. Так, Д. В. Пикалов говорит о том, что крестьянские и особенно казацкие хозяйства юга России «были заметно богаче, чем в других частях страны» [Пикалов и др., 2021, с. 3375]. Деление крестьянства по критерию зажиточности можно встретить достаточно часто в архивных документах и публицистике 20-х годов. Известна также классификация крестьянства, основанная на критерии выдаваемого севооборота: беспосевные до 6 десятин, с посевом от 6—10 десятин, с посевом от 10—16 десятин, от 16—25 десятин и более 25 десятин [ЦДНИКК, ф. 8, оп. 1, д. 255, л. 2]. Классификация крестьянства по признаку оседлости приводится в письме одного из хлеборобов: «коренное население, пришлые, примачи, живущие на территории от 9 до 50 лет», или «казаки, неказаки (хохлы), беженцы империалистической войны, а также вышедшие замуж женщины-хохлушки за казаков» [ГАРО, ф. Р1390, оп. 5, д. 53, л. 68]. Приведенные примеры ранжирования крестьянского населения отражают ту разнородность человеческих трудовых ресурсов, которую власти необходимо было принимать в расчет при колхозном строительстве. Закономерно возникает вопрос: насколько трудовой потенциал крестьянства соответствовал поставленным государством задачам. Необходимо констатировать, что рост колхозного актива, колхозных кадров не поспевал за увеличением числа самих колхозов, «дело укрепления колхозов тормозилось отсутствием грамотных людей, необходимых для работы в колхозах (счетоводы, завхозы, секретари), отсутствием опыта у колхозников, вчерашних единоличников» [Победы ... 1939, с. 21]. Требовались специалисты с агрономическим образованием. Остро ощущался недостаток не только квалифицированных рабочих, но и чернорабочих (на 100 предложений в 1920 году было 216 запросов; вербовка сезонной рабочей силы в деревне не превышала 200 тыс. человек в год) [Маркус, 1939, с. 106]. Сельскохозяйственный рынок труда постоянно расширялся как следствие развития

крестьянских хозяйств (рост товарности хозяйства, посевной площади, животноводства, введение трудоемких культур).

Что же касается орудий труда, то в этот период наличие сельскохозяйственного инвентаря приобрело особую значимость. Государство стремилось обеспечить деревню инвентарем путем непосредственной передачи его колхозам или на общественные прокатные пункты, этим партия реализовывала пропаганду социализма, заодно повышая работоспособность крестьян.

Тяжелое положение с инвентарем держалось достаточно долго, например, в газете «Беднота» за 1924 год сообщается, что в станице Усть-Лабинской казаки и иногородние ввиду поломки или отсутствия сельскохозяйственного инвентаря принимают решение о коллективном труде [Беднота, 1924, № 182]. И это притом, что на Кубани использовался довольно широкий спектр простейших приспособлений, облегчавших преимущественно ручной труд [Федина, 2018, с. 39].

Южные регионы снабжались импортными тракторами особенно быстро, и к 1925 году их количество достигло 231 машины, а к 1927 их было уже более 500, «однако, несмотря на это, скорость снабжения новой техникой и инструментами», была недостаточной, поставки техники «уступали дореволюционным показателям» [Пикалов и др., 2021, с. 3377]. Постепенно открывались первые прокатные станции сельскохозяйственных машин, которые обслуживали в первую очередь семьи красноармейцев [Известия ревкома ..., 1920, № 45]. Газеты отмечали нехватку специальных работников (агрономов) и оборудования [Там же, № 45].

Земельный вопрос, хотя и достаточно актуальный и, казалось, разрешенный путем принятия Декрета о земле, реализовывался достаточно болезненно, особенно на юге России. Проблема состояла не столько в консерватизме казачества и зажиточных слоев, но и в обеспечении правильной нарезки земли с учетом расположения земельных участков, наличия специалистов-агрономов и т. д. М. Д. Голубых отмечал, что «передел производили сами, как умели ... Передел был произведен весьма примитивно, — быстро, но неточно», имело место укрывательство земельных наделов казаками [Голубых, 1930, с. 37]. И на первых порах подобная «уравнительная дележка земли ... не спасала крестьян от классовой дифференциации» [Гладков, 1950, с. 301].

3.2. Первые Уставы сельскохозяйственных коллективов как регуляторы труда крестьян

После уничтожения крупного землевладения на юге России каждый крестьянин имел возможность обрабатывать столько земли, сколько мог. Но как на этой почве «совместить» Декрет о земле и аграрную политику, направленные на коллективизацию? Агитационные статьи в газетах доходчиво

объясняли: «Каждому мелкому хозяину невозможно иметь трактор и молотилку, да и что ими делать, если сеять 10—15 десятин. Другое дело, если посева много, тут можно уже и машины в ход пустить» [Известия ревкома ..., 1920, № 45], отсюда и появлялась нужда в кооперации нескольких крестьянских дворов. В то же время государство публично брало на себя обязательства создать благоприятные юридические и экономические условия для наращивания производственного потенциала крестьянских хозяйств, а также оказать им организационно-финансовую помощь [Ильиных, 2021, с. 128]. Время, политика и социум требовали создания основ аграрного строя, которые стали бы «фундаментом регулирования правового статуса не только колхозов, но и личных подсобных хозяйств колхозников, единоличных хозяйств, совхозов, машинно-тракторных станций, а также их правоотношений с государственными органами» [Берлявский, 2022, с. 191].

Стараясь организовать производственные отношения, крестьяне, создававшие артели и коммуны, разрабатывали и принимали свои уставы. Этот опыт был учтен Народным комиссариатом земледелия при создании примерного устава артели и коммуны [Аграрная политика..., 1954, с. 39]. Так, Наркомзем 21 июля 1918 года принял и опубликовал первый устав трудовой земледельческой коммуны. Данный документ просуществовал недолго и был заменен на более удачный вариант — устав трудовых производительных сельскохозяйственных коллективов, в котором уже более подробно были прокомментированы условия создания и оформления коммун. Как показала практика, это был не последний вариант устава, так как Наркомзему СССР была поставлена задача разработать примерный устав сельхозартели «как *переходной к коммуне* формы колхоза» (курсив автора. — *Н. И.*) [Ивницкий, 2000, с. 51].

Кроме того, существовали субъективные причины для изменения устава, как отмечает Н. П. Воронина: «Устав выступал в качестве единственного учредительного документа колхоза. Поэтому появилась потребность в рекомендации субъектам сельскохозяйственного производства содержания устава» [Воронина, 2015, с. 39].

История создания уставов шла непростым путем, Народный комиссариат земледелия стремился удовлетворить все потребности и запросы не только со стороны крестьянства, но и со стороны государства. Так как ключевым был вопрос о землепользовании, именно данный государственный орган был призван решить его. Не имея практического опыта формирования закона, способного урегулировать отношения и деятельность огромной массы крестьян в исконном для России земельном вопросе, Наркомзем старался максимально идеологизировать важнейший правовой источник, сделать его универсальным для всех сфер сельскохозяйственного произ-

водства. Так, были приняты в 1919 году «Примерный устав сельскохозяйственного производительного товарищества», а в 1922 году «Временный устав сельскохозяйственного производственного коллектива», а также другие нормативные источники. Более того, Наркомзем в 1923 году утвердил четырнадцать различных уставов сельскохозяйственных коллективов. В это же время были приняты «Инструкции к составлению сельскохозяйственных коммун» (1918 год), «Положение о регистрации сельскохозяйственных коммун» (1918 год), «Положение об инструкторах» (1918 год), а также ряд других немаловажных правовых источников.

В рамках данной статьи рассмотрены два устава сельскохозяйственных объединений, которые были приняты в рассматриваемый промежуток времени и отражали происходящие изменения в сфере труда крестьян.

Так, Нормальный устав сельскохозяйственных производительных коммун (1919 год) отличается объемной преамбулой, заключенной в Общие положения, в которых разъясняется цель сельскохозяйственных коммун, необходимость ведения борьбы со старым капиталистическим строем, эксплуатацией и угнетением человека человеком, прослеживается мысль о борьбе против частной собственности [Аграрная политика, 1954, с. 433]. Данный источник, в соответствии с господствующей идеологией, пронизан коммунистическими идеями в области прав и интересов пролетариата и деревенской бедноты. Также в указанном источнике присутствует определение Коммуны, которая отождествляется с ячейкой Рабоче-Крестьянского государства в целом. Важно отметить, что Нормальный устав в поддержку Декрета о равенстве содержит пункт, посвященный трудовому равенству женщин и мужчин. В этом ключе, как указывает В. В. Бабашкин, многие вопросы оставались открытыми, в том числе вопросы уравнивания в правах мужчин и женщин [Бабашкин и др., 2016, с. 261]. Стоит отметить установку относительно «лентяев», согласно которой «не желающий трудиться не имеет права есть».

Относительно слабо были регламентированы права на землю, что является существенным минусом документа. Была вложена в устав новелла о создании общих хозяйств (столовых, швейных мастерских, прачечных, детских садов и яслей), но при этом не устанавливался правовой статус объектов недвижимости. Был определен возраст вступления участников в коммуну — 18 лет, с оговоркой, что возрастная норма может быть снижена до 16 лет.

Следует отметить, что положения, касающиеся паевых взносов и управления коммуной, были слабо проработаны. Как отмечает П. А. Якушев, «организационная структура и внутренний распорядок первых коллективных хозяйств были ... неустойчивы» [Якушев, 2010, с. 192]. Но достаточно ин-

интересным является пункт о том, что продолжительность рабочего дня и времени отдыха для всех членов коммуны устанавливалась общим собранием в зависимости от времени года и характера работ в соответствии с Кодексом законов о труде. Указанный пункт особенно важен, поскольку на период принятия указанного устава (1919 год) власть еще не приняла решения рассматривать раздельно, с учетом специфики, труд колхозников и труд рабочих, соответственно, в указанное время на членов коммуны должны были распространяться нормы трудового права, закрепленные в КЗоТ (1918).

В сравнении с Нормальным уставом (1919) Примерный устав земледельческой трудовой артели (1919) представляет собой более лаконичный правовой источник, в который были внесены существенные поправки [Аграрная политика..., 1954, с. 462]. В нем дается определение земледельческой трудовой артели. И при сопоставлении определения Коммуны с тем, которое давалось в Нормальном уставе (1919), можно отметить, что оно представлено более подробно и ориентировано на вопросы обработки общественной земли, многопольной системы, скотоводства и другие виды работ. В Примерном уставе уделяется внимание праву на личное хозяйство, возможности наемного труда, притом что со злоупотреблениями в использовании наемного труда власть решительно боролась [ЦДНИРО, ф. 104, оп. 1, д. 145, л. 3]. Существенно проработан был раздел, посвященный паю, установлен размер, возможные виды, а также сроки расчета. Складывается новое отношение к вопросу о паевых взносах [Якушев, 2009, с. 67]. Отдельно стоит обратить внимание на то, что в Примерном уставе присутствуют элементы наследственного права, санкционные нормы в форме выговоров, штрафов, сверхурочных работ. Один из разделов устава посвящен средствам обеспечения артели, таким образом, законодатель (Наркомзем) сместил точку внимания на весьма проблемный аспект трудовых отношений — организацию коллектива. Как отмечает А. Д. Давыдова, члены коллектива уже приобретают «право на пользование землей и имуществом общего пользования ... также на постройки и сельскохозяйственный инвентарь» [Давыдова, 2018, с. 31].

Итак, анализ двух правовых источников показывает, что, несмотря на достаточно короткий срок принятия этих уставов, власть в лице Наркомзема проводит существенную доработку их, вводит трудовые нормы, регулирующие трудовую деятельность членов хозяйства, также наблюдается последующий отказ от использования Кодекса законов о труде и планомерное выстраивание новой отрасли права — колхозного.

3.3. Обследование трудовых отношений крестьян юга России

Государственный архив Краснодарского края содержит фонд Р60 — «Кубано-Черноморское Областное земельное управление исполнительного ко-

митета Кубано-Черноморского Областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов», который хранит датированные 1920 годом дела, посвященные обследованиям сельско-хозяйственных трудовых артелей и коммун, находившихся на территории Кубано-Черноморской области, они явились документационной базой для анализа применения устава и трудовых отношений крестьян, являющихся членами хозяйств. Обследование проводилось по изготовленным бланкам, содержащим список, состоявший из 79 вопросов. Приведем наиболее показательные результаты.

(1) Обследование сельскохозяйственной трудовой артели «Трудолюбие» в Ейском отделе станицы Успенской показывает, что артель действовала на основании Примерного устава трудовой земледельческой артели, утвержденного 19 мая 1919 года. В устав члены вносили самостоятельные поправки о возможности возврата всего внесенного пая. Артель использовала наемный труд, и для устранения этого явления предлагала принять новых членов. Численный состав — 45 человек, из которых один был пришлый. Профессиональный состав: 18 земледельцев, 1 учитель, 1 кузнец. Артели было выделено 520 десятин земли. Постройки артели ветхие, из инвентаря 3 плуга, 1 культиватор, 4 бороны, 1 сеялка, 2 жнейки, 1 грабли конные и 50 ручные, 2 зерносушилки, 5 саней и т. д. Из посевного материала в наличии были только пшеница, овес и картофель [ГАКК, ф. Р60, оп. 1, д. 561, л. 10—13].

(2) Сельскохозяйственная трудовая артель «Взаимная польза», находящаяся в Ейском отделе станицы Уманской, была создана в 1920 году по причине «желания более производительным путем с применением усовершенствованных способов обработки земли вести сельское хозяйство» [ГАКК, ф. Р60, оп. 1, д. 561, л. 58—66]. Артель была образована на основе Примерного устава, исключений и возможности выхода не было. Содействие органов власти выражалось в выдаче семян и хозяйственных товаров. Отношение населения к артели — недружелюбное; причины, препятствующие слиянию с ближайшими артелями, — собственники-одиночки (имеются в виду единоличники). Артель существовала на свои средства, ссуды не получала. Членов артели всего 48 из них 37 пришлых. Срочно требовалось организовать мастерскую для ремонта инвентаря. Среди построек требуют ремонта 1 дом кирпичный, 2 саманных, 1 конюшня, 1 хлев, 1 кузница и т. д. Мертвого инвентаря: 5 плугов, 1 запашник, 2 культиватора, 8 бороны, 1 сеялка, грабли конные — 2 и т. д., лошадей рабочих — 13 (хотя необходимость была в 18-ти), в наличии корова дойная — 8 (при потребности в 15), овец — 10 (требуется 50), свиней — 10 (надо 15) и т. д. Требовался посевной материал: ячмень, картофель, кукуруза и подсолнух [Там же, л. 58—66]. Имелась кузница, кузнец был принят в члены артели со своим инструментом, где проработал всего 15 дней. Когда был организован профсоюз в станице Уманской,

его насильно взяли из артели в профсоюз. Весь вышедший из строя инвентарь требовал капитального ремонта.

(3) Сельскохозяйственная трудовая артель «Заря» станицы Новодеревянской. Причины вступления: по нужде — 3 семьи и по убеждению — 5 семей. Отчет работы артели не велся за неимением бумаги. Присутствовали случаи выхода из артели из страха перед белыми. Отношение населения к артели враждебное, однако же отношение артели к населению было достаточно патриотическое, выражающееся в желании «доказать превосходство и выгоду коллективного хозяйствования». Артель существовала на основе своего труда, численность — 46 человек, из них 24 земледельца, 1 слесарь, 1 портной, 1 сапожник. Имели 1 плуг, 1 борону, 2 сеялки, 3 грабли конные, 3 веялки, 4 телеги. Владели 11 рабочими лошадьми, 9 дойными коровами, 4 овцами, 3 свиньями, 13 пчелиными ульями [Там же, л. 19—27].

(4) Сельскохозяйственная артель «Красный Пахарь» станицы Капанской. Причины вступления в артель — правильный путь коммуны. За основу был взят Устав земледельческий. Имели место исключения из артели по факту неявки и уклонения от работы. В артели имелось общежитие, большинство строений нуждалось в ремонте. Всего членов — 38 человек, среди которых 1 сапожник. «Мертвого» инвентаря у артели нет. От советской власти переданы 3 лошади, 3 коровы и 6 свиней. Из посевного материала имелось 90 пудов пшеницы [Там же, л. 40—48].

(5) Биографическое письмо членов артели имени Луначарского Таганрогского района также характеризует правовое, экономическое положение и трудовые отношения ее участников [ЦДНИРО, ф. 104, оп. 1, д. 146, л. 22—24 об]. Объединившись в группу, трое товарищей «производили культурный огород и делали подход коллективной жизни в 1920 году, ... в 1922 году удалось организовать артель приняв демобилизованных красноармейцев, вдов и сирот» [Там же]. Письмо освещает трудовой путь и становление артели, бедственное положение с инвентарем и материальным положением.

Подводя итог, следует сказать, что архивные документы достаточно показательны и приводят к выводу, что вступившие в первые ряды коллективизации лица относились к беднейшим слоям населения, для насаждения коллективных хозяйств не хватало сельскохозяйственного инвентаря, семенного фонда, квалификационных кадров, специализированных построек и даже канцелярских принадлежностей. Действительно, подобные проблемы имели место во всех регионах страны, только на юге России эти процессы начались гораздо позже, чем в большинстве регионов, кроме того, южные территории исконно привлекали батрачество, что также сказывалось на характере трудовых ресурсов. Также можно согласиться

с мнением В. В. Кулачкова, что основная масса крестьянства не имела возможности и времени для расширения (правового) кругозора, так как была слишком занята решением насущных проблем повседневной жизни [Кулачков, 2014, с. 186]. Действительно, отстаивание своих прав, особенно трудовых, никогда не было основанием для бунтов и восстаний крестьянства юга России.

4. Заключение = Conclusions

Рассматриваемый период характеризуется тяжелыми и болезненными явлениями, через которые прошло советское крестьянство. Можно согласиться с мнением В. П. Данилова, что процесс коллективизации «перепахал весь жизненный уклад деревни, перестроил производственные отношения и трудовую деятельность крестьян, коренным образом изменил его положение» [Советское ..., 1973, с. 3]. Сомневаться в данной оценке не приходится, многие вековые традиции, привязанные к праздникам, устоям, были отменены, с ними боролись, новая власть их категорично не принимала. При этом даже по истечении времени эффективного механизма «организации труда и материального стимулирования, обеспечения и защиты интересов всех социальных групп колхозного крестьянства» так и не было создано [Наухацкий, 2021, с. 254].

Задавая вопрос, чего же хотела советская власть от крестьянства в этот промежуток времени, мы можем предположить два совершенно противоположных ответа. Так, с одной стороны, крестьянское хозяйство стало кормильцем армии, народа, производителем зерна, при этом данный социальный класс нещадно эксплуатировали, содержали в жестких рамках, допускались нарушения прав. С другой стороны, государство, реализовывая свою экспериментальную аграрную политику, стремилось вывести страну из нищеты и разрухи, позволяя гражданам культурно развиваться, получать бесплатное образование, социальную защиту, рассчитывать на справедливость. При этом нельзя не отметить, что сфера организации, оплаты, охраны труда со стороны государства в коллективных хозяйствах подвергалась регулированию медленно и трудно, существовавшие правовые источники полностью игнорировали институты трудового права.

Достаточно парадоксально выглядит факт того, что в 20-х годах XX века трудовые права рабочих и служащих были защищены, а крестьянство как исконно угнетенную часть населения власть оставила в бесправном положении, совершенно не задумываясь об охране труда крестьянина, заработной плате работников коллективных хозяйств, у которых был ненормированный рабочий день. Ситуация начала меняться с 1930 года в период активной коллективизации и принятия нового устава.

Источники и принятые сокращения

1. *Аграрная* политика Советской власти (1917—1918). Документы и материалы. — Москва : Издательство Акад. наук СССР, 1954. — 552 с.
2. *Беднота* : [газета]. — 1924. — № 182.
3. *Известия* ревкома и парткома г. Ейска : [газета]. — 1920. — № 45.
4. *Красное знамя* : [газета]. — 1920. — № 155.
5. ГАКК — *Государственный* архив Краснодарского края фонд Р60 — Кубано-Черноморское Областное земельное управление исполнительного комитета Кубано-Черноморского Областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов.
6. ГАРО — *Государственный* архив Ростовской области фонд 1390 — Азово-Черноморское земельное управление.
7. *Победы* социалистического сельского хозяйства. — Москва : Сельхозгиз, 1939. — 160 с.
8. ЦДНИКК — *Центр* Документации Новейшей истории Краснодарского края фонд — Кубанский окружной комитет ВКП(б), фонд 12 — Армавирский окружной комитет ВКП(б), фонд 1075 — Староминский районный комитет КПСС.
9. ЦДНИРО — *Центр* Документации Новейшей истории Ростовской области фонд Р104 — Таганрогский Окружной Комитет РКП(б).

Литература

1. *Бабашкин В. В.* Эволюция взаимодействия крестьянского двора и коллективных хозяйств в 1920 — начале 1930-х гг. / В. В. Бабашкин, И. В. Гончарова // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. — 2016. — № 1. — С. 357—364.
2. *Берлявский Л. Г.* Становление государственно-правовых основ советского аграрного строя (1917 — вторая половина 1930-х годов) : обзор исследований / Л. Г. Берлявский // Государство и право. — 2022. — № 1. — С. 188—202. — DOI: 10.31857/S102694520018443-8.
3. *Большаков А. М.* Деревня 1917—1927 / А. М. Большаков. — Москва : Работник просвещения, 1927. — 486 с.
4. *Воронина Н. П.* Соотношение уставного и договорного регулирования в создании и деятельности сельскохозяйственных кооперативов / Н. П. Воронина // Право и современные государства. — 2015. — № 5. — С. 37—45.
5. *Гладков И. А.* Очерки строительства советского планового хозяйства в 1917—1918 годах / И. А. Гладков. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1950. — 364 с.
6. *Голубых М. Д.* Казачья деревня / М. Д. Голубых. — Москва : Государственное издательство, 1930. — 312 с.
7. *Давыдова А. Д.* Права и обязанности членов колхозного двора как своеобразного субъекта гражданского права в советской России / А. Д. Давыдова // Право и государство: теория и практика. — 2018. — № 2 (158). — С. 31—35.
8. *Ивницкий Н. А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928—1933 гг.) РАН. Институт рос. истории, Университет г. Торонто (Канада) / Н. А. Ивницкий. — Москва : [б. и.], 2000. — 350 с.
9. *Ильиных В. А.* Аграрная политика советского государства в начале 1920-х гг. Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века : сборник статей / В. А. Ильиных. — Москва : Центр экономической истории ИРИ РАН, 2021. — С. 126—132. — ISBN 978-5-8055-0378-9.

10. Краев М. А. Победа колхозного строя в СССР / М. А. Краев. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1954. — 721 с.
11. Кулачков В. В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения) : Монография / В. В. Кулачков. — Брянск : БГИТА, 2014. — 330 с. — ISBN 978-5-98573-161-3.
12. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР в 3-х томах / П. И. Лященко. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1956. — Т. 3. — 643 с.
13. Маркус Б. Труд в социалистическом обществе / Б. Маркус. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1939. — 308 с.
14. Наухацкий В. В. О некоторых особенностях аграрной политики на начальном этапе коллективизации в Северо-Кавказском крае / В. В. Наухацкий // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века : сборник статей. — Москва : Центр экономической истории ИРИ РАН, 2021. — С. 246—255.
15. Пикалов Д. В. Повседневность труда казачества и крестьянства в годы нэпа в южнорусских станицах и селах (на материалах Ставрополя) / Д. В. Пикалов, В. С. Пикалова, А. С. Гончаров // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2021. — Т. 11. — № 12 (81). — С. 3368—3382. — DOI: 10.35775/PSI.2021.81.12.009.
16. Советское крестьянство. Краткий очерк истории. (1917—1970) / Под редакцией В. П. Данилова. — Москва : Политиздат, 1973. — 592 с.
17. Федина И. М. Агротехнические традиции на Кубани в XIX — начале XX в. / И. М. Федина // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века : сборник статей. — Коломна : Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. — С. 34—39. — ISBN 978-5-98492-366-8.
18. Шуваев К. М. Старая и новая деревня / К. М. Федина. — Москва : Сельхозгиз, 1937. — 190 с.
19. Якушев П. А. Из истории создания и деятельности сельхозкоммун на территории Смоленской губернии в годы гражданской войны (1918—1921) / П. А. Якушев // Известия Смоленского государственного университета. — 2009. — № 1 (5). — С. 190—198.
20. Якушев П. А. Уставы сельскохозяйственных артелей 1919 и 1920 годов / П. А. Якушев // Альманах современной науки и образования. — 2010. — № 11. — Ч. 2. — С. 66-68.

Material resources

- Agrarian policy of the Soviet government (1917—1918). Documents and materials.* (1954). Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 552 p. (In Russ.).
- Documentation Center of the Modern History of the Krasnodar Territory foundation — Kuban District Committee of the CPSU (b), Foundation 12 — Armavir District Committee of the CPSU (b), Foundation 1075 — Starominsky District Committee of the CPSU.* (In Russ.).
- Documentation Center of the Modern history of the Rostov region foundation P104 — Taganrog District Committee of the RCP(b).* (In Russ.).
- News of the revkom and the party committee of Yeysk: [newspaper].* (1920). (In Russ.).
- Red Banner: [newspaper], 155.* (1920). (In Russ.).
- State Archive of the Krasnodar Territory fund P60 — Kuban-Black Sea Regional Land Administration of the Executive Committee of the Kuban-Black Sea Regional Council of Workers, Peasants, Red Army, Cossack and Mountain Deputies.* (In Russ.).

State Archive of the Rostov Region foundation 1390 — Azov-Black Sea Land Administration. (In Russ.).

The poor: [newspaper], 182. (1924). (In Russ.).

The victories of socialist agriculture. (1939). Moscow: Selkhozgiz. 160 p. (In Russ.).

References

- Babashkin, V. V., Goncharova, I. V. (2016). Evolution of the interaction of the peasant household and collective farms in the 1920s — early 1930s. *Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe, 1*: 357—364. (In Russ.).
- Berlyavsky, L. G. (2022). The formation of the state-legal foundations of the Soviet agrarian system (1917 — the second half of the 1930s): a review of research. *State and Law, 1*: 188—202. DOI: 10.31857/S102694520018443-8. (In Russ.).
- Bolshakov, A. M. (1927). *Village 1917—1927*. Moscow: Worker of Education. 486 p. (In Russ.).
- Danilov, V. P. (ed.). (1973). *The Soviet peasantry. A brief history sketch. (1917—1970)*. Moscow: Politizdat. 592 p. (In Russ.).
- Davydova, A. D. (2018). The rights and obligations of members of the collective farm yard as a kind of subject of civil law in Soviet Russia. *Law and the State: theory and practice, 2 (158)*: 31—35. (In Russ.).
- Fedina, I. M. (2018). Agrotechnical traditions in the Kuban in the XIX — early XX century. In: *State power and the peasantry in the XIX — early XXI century: collection of articles*. Kolomna: State Social and Humanitarian University. 34—39. ISBN 978-5-98492-366-8. (In Russ.).
- Gladkov, I. A. (1950). *Essays on the construction of the Soviet planned economy in 1917—1918*. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 364 p. (In Russ.).
- Golubykh, M. D. (1930). *Cossack village*. Moscow: State Publishing House. 312 p. (In Russ.).
- Ilyinykh, V. A. (2021). *Agrarian policy of the Soviet state in the early 1920s. State power and the peasantry in the XIX — early XXI century: collection of articles*. Moscow: Center for Economic History of the IRI RAS. 126—132. ISBN 978-5-8055-0378-9. (In Russ.).
- Ivniitskiy, N. A. (2000). *The repressive policy of Soviet power in the countryside (1928—1933) of the Russian Academy of Sciences. Institute of Russian History, University of Toronto (Canada)*. Moscow: [b. i.]. 350 p. (In Russ.).
- Kraev, M. A. (1954). *Victory of the collective farm system in the USSR*. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 721 p. (In Russ.).
- Kulachkov, V. V. (2014). *The peasantry of the Western region of Russia in the 1920s (socio-cultural changes): Monograph*. Bryansk: BGITA. 330 p. ISBN 978-5-98573-161-3. (In Russ.).
- Lyashenko, P. I. (1956). *History of the national economy of the USSR in 3 volumes, 3*. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 643 p. (In Russ.).
- Markus, B. (1939). *Labor in a socialist society*. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 308 p. (In Russ.).
- Nauhatsky, V. V. (2021). On some features of agrarian policy at the initial stage of collectivization in the North Caucasus region. In: *State power and the peasantry in the XIX — early XXI century: collection of articles*. Moscow: Center for Economic History of the IRI RAS. 246—255. (In Russ.).
- Pikalov, D. V., Pikalova, V. S., Goncharov, A. S. The daily work of the Cossacks and the peasantry during the years of the NEP in South Russian villages and villages (based on

- the materials of Stavropol). *Issues of national and federal relations*, 11 / 12 (81): 3368—3382. DOI: 10.35775/PSI.2021.81.12.009. (In Russ.).
- Shuvaev, K. M. (1937). *Old and new village*. Moscow: Selkhozgiz. 190 p. (In Russ.).
- Voronina, N. P. (2015). Correlation of statutory and contractual regulation in the creation and activity of agricultural cooperatives. *Law and modern states*, 5: 37—45. (In Russ.).
- Yakushev, P. A. (2009). From the history of the creation and activity of agricultural communes on the territory of the Smolensk province during the Civil War (1918—1921). *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (5): 190—198. (In Russ.).
- Yakushev, P. A. (2010). Charters of agricultural artels of 1919 and 1920. *Almanac of modern science and education*, 11 (2): 66—68. (In Russ.).

*Статья поступила в редакцию 03.08.2022,
одобрена после рецензирования 03.11.2022,
подготовлена к публикации 27.11.2022.*